

## 002 Удар по голове грязевым бодхисаттвой (3)

Возможно, бабушка была слишком шокирована, чтобы что-то сказать, уставившись в недоумение на старого даосиста.

Ян Цзымэй посмотрел на даосского священника, затем на старые нитевидные книги на книжной полке рядом с ним, и поднял его мальчишеское лицо, но спросил в зрелом тоне: "Мастер Тао, могу ли я научиться у вас истинной магии изменения судьбы и избежания зла?"

Удивление в глазах старого Даоиста углубилось.

Такое предложение никогда не должно было выйти из уст пятилетней девочки, но правда была наоборот, что это за демонический ребенок?

Старая даоска наклонилась, подобрала ее, подошла к книжной полке, указала на линию нитевидных книг и сказала: "Это все метафизические сокровища, оставленные нашими китайскими предками, в том числе пять систем гор, медицина, гадание, гадание и физиогномика, если у вас есть определенный уровень возделывания, вы действительно можете помочь людям изменить свою судьбу, чтобы избежать зла".

Она была негодяем более десяти лет в своей прошлой жизни, но никогда по-настоящему не верила в так называемое искусство фотографии, думая, что это просто то же самое, что и она, просто зарабатывать на жизнь и сплетничать.

"Божество и гадание, фэн-шуй и так далее, не обманывают ли они феодальные суеверия?" Ян Цзымэй не могла не заботиться о том, как люди воспринимают ее нынешнее состояние, и продолжала спрашивать по-взрослому.

"Феодальное суеверие?" Старый даоист храпел с пренебрежительным выражением: "Истинная метафизика - это обширная и глубокая философия в сочетании с метафизической теорией знаний, полученных в результате гармонизации инь и янь в человеческом теле, что не может быть объяснено наукой, с тысячелетним историческим развитием, как можно сказать, что это суеверие семьи Фэн"?

Сказав это, Лао Дао снова почувствовал, что то, что он говорил, было слишком глубоким, даже старушка рядом с ним не понимала, что он говорил, как он мог молиться, чтобы этот пятилетний ребенок понял?

Однако он заметил, что мальчик, казалось, понял, и моргнул темным, блестящим, но глубоким взрослым взглядом на книги на полке.

"Хорошо! Я научусь метафизике у тебя!"

Ян Цзымэй кивнул и выскользнул из старых даосских объятий, говоря серьезно.

Почему она не могла поверить во что-то столь метафизическое, как метафизика, когда испытала нечто столь причудливое, как возрождение? Существование разумно, так как оно может влиять на китайский народ в течение тысяч лет, пусть люди несравненно благочестивы, чтобы поверить в него, неизбежно, это разумно, конечно, не так, как слепой хозяин в его предыдущей жизни, но просто научился немного кожи, чтобы получить деньги.

В прошлой жизни в городе А есть очень известный гадалка, каждый день к нему выстраивается большое количество сановников, выстраивающихся в очередь для его гадания, гадания,

гадания, гадания, гадания, гадания, гадания, гадания, гадания, гадания, гадания.

Это заставило ее завидовать и ревновать, и она не могла поймать ни одного клиента в течение дня на улице, а денег, которые она готова была заплатить, было очень мало, всего несколько долларов.

В то время она не могла понять, почему к одной и той же гадалке, которая обманывала людей, относятся так по-другому.

В настоящее время, кажется, что, возможно, они действительно талантливые люди, которые действительно могут изменить свое состояние против неба или что-то в этом роде.

Видя, что она согласилась, старый даосский священник обрадовался и не мог дождаться, когда скажет своей бабушке: "Так как этот ребенок будет моим учителем, то отныне оставайся на горе, и я возьму ее с собой, чтобы встретиться с тобой, когда у меня будет время".

Лицо бабушки было в растерянности из-за слов.

Старая даосистка, которая представляла Живого Бога Бессмертного, взяла свою внучку в ученики, чтобы учить Бессмертного Дао или что-то в этом роде, что сделало ее и счастливой, и взволнованной.

Ян Цзымэй думала о трагической жизни, которую она начала, когда ей было шесть лет, она не знала, изменится ли она, она хотела лелеять тепло своей нынешней привязанности и действительно не хотела выходить из дома чаще.

"Учитель, я не хочу весь день сидеть на горе, я хочу быть со своей семьей, вот в чем дело, отныне я встаю в шесть утра и приезжаю на гору учиться, а днем пойду домой". Ян Цзымэй предложил.

Возможно, она привыкла к своим старым словам, Лао Дао тоже уже не смотрит на нее с удивлением, а относится к ней как к равному взрослому человеку, думает об этом, кивает головой: "Кроме того, просто наша метафизика очень глубока, а не то, чему можно научиться за одну ночь, ты обычно не в горах, до тех пор, пока каждый день, возвращаясь домой, можешь выполнять домашнее задание, которое я выложил".

Ян Цзымэй не знал, какую домашнюю работу он хочет сделать для себя, но, полагая, что это не должно ее смущать, он кивнул.

Более того, она также хотела как можно скорее освоить некоторые реальные навыки в течение года, чтобы ее семья смогла избежать этой катастрофы, связанной с геноцидом, и переписать свою жалкую жизнь.

"Узнаешь ли ты слова?" Даосский мастер нарисовал копию Чжоу И с книжной полки и спросил.

Ян Цзымэй кивнул: "Немного узнай, но не много!"

"Старые Боги, отец ребенка - учитель и может прочитать немало слов." Бабушка сказала в отступление.

"Ну что ж, сегодня ты заберешь эту книгу домой и прочтешь ее, попросишь у отца слова, которые ты не понимаешь, и придешь и научишь меня по непонятной для тебя причине"! Даосистский мастер Дао.

Ян Цзымэй посмотрел на толстую книгу с небольшим потоотделением, но больше ничего не сказал и взял ее в свои руки.

Если бы она могла изменить свою жизнь, не говоря уже о запоминании трудной древней книги, даже если бы это было что-то более трудное, она бы это сделала.

"Тогда каждое утро в шесть часов жди тебя у подножия горы для Мастера!" После окончания, старый даосист сел на \*\*, где только что лежал Ян Цзымэй, и медитировал с закрытыми глазами, больше не обращая внимания на них.

Бабушка утатила Ян Цзымэй.

Вернувшись домой, мать Хуан Сюй Ли увидела белую ткань на лбу и с болью попросила поддержать ее и спросить, что происходит.

Бабушка тоже нам все рассказала.

"Ньё-чан мальчик, какая беда, бедняжка Ньё-чан!" Хуан Сюй Ли крепко обняла ее на руках, ее глаза полны душевной боли.

Чувствуя тепло материнской любви, сердце Ян Цзымэя породило больше привязанности, а также он крепко держал мать в своих маленьких ручонках.

<http://tl.rulate.ru/book/40827/887944>